

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РФ С.А. РЯБКОВА

Вопросы и ответы

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ

Марриотт Гранд Отель, Москва, Россия

7 сентября 2012 г.

[ХЛОПКОВ]¹ На правах председателя позволю себе задать первые два вопроса. Сергей Алексеевич, не так давно был создан новый формат диалога по вопросам запрещения производства расщепляющихся материалов, “5+2”. Не могли бы Вы поделиться с нами, каковы цели и задачи диалога в этом формате?

Второй вопрос: после Московской встречи создается ощущение некоего вакуума в диалоге по Ирану. Информация по другим уровням, на которых идет диалог, в открытую печать не поступает. Не могли бы Вы поделиться, в какой стадии находится диалог в формате “5+1” в рамках тех новых уровней экспертной дискуссии, которые были созданы в результате Московской встречи? Спасибо.

[РЯБКОВ]² Вы знаете, что мы на протяжении длительного времени работаем в пользу принятия на Конференции по разоружению сбалансированной программы работы. Сбалансированной - это значит, безусловно, учитывающей наши приоритеты, к которым мы, в первую очередь, относим задачу недопущения размещения оружия в космическом пространстве. Но, конечно же, при этом не отрицаем важность и других составляющих этой работы, среди которых - разработка Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. В последнее время именно этому направлению в международном сообществе уделяется первостепенное внимание. Ни для кого не секрет, что те самые “+2” включают Пакистан, который высказывает серьезные возражения относительно перспектив запуска переговорного процесса. Мы стараемся, насколько это возможно, простимулировать дискуссию, найти креативные решения возникшей проблемы, выходы из нынешнего тупика, потому что мы считаем, что именно Конференция по разоружению в Женеве остается той оптимальной площадкой, на которой должен разрабатываться новый договор в соответствии с мандатом Шеннона. Мы не можем поддержать варианты обхода консенсусных механизмов, создания альтернативных платформ ведения этих переговоров в условиях отсутствия согласия на запуск этих переговоров по

¹ Хлопков Антон Викторович, Директор, Центр энергетики и безопасности; Председатель, Московская Конференция по нераспространению, Российская Федерация.

² Рябков Сергей Алексеевич, Заместитель министра иностранных дел, Российская Федерация.

линии Конференции по разоружению столь важной стороны, как Пакистан. Это и есть одна из задач работы, проводимой в формате “5+2” – ядерная пятерка плюс две страны.

Что касается Ирана и иранской темы, то здесь у нас, в принципе, не все так плохо, как может показаться тем, кто судит лишь по заголовкам газет, или по количеству проведенных мероприятий. Мы проводим встречи и с участием иранских представителей, и без их участия. Что касается продолжения непосредственно переговорного процесса, 3-го июля в Стамбуле состоялась встреча «шестерки» международных посредников с иранскими представителями на уровне заместителей – это следующий уровень, где продолжился экспертный разговор по предложениям, которыми стороны обменялись в ходе багдадского и московского раундов переговоров в мае и июне. Затем были телефонные контакты, контакты по электронной переписке. На подходе, я думаю, новые встречи и разговоры. Т.е. процесс продолжается: идет живой диалог и конкретный разговор. Я уже не говорю о том, что происходит, например, в Вене, где Секретариат МАГАТЭ только что провел очередной раунд бесед с иранскими представителями. Т.е. процесс развивается, его нужно интенсифицировать, нельзя терять темп, нельзя допускать, чтобы возникали паузы. Потому что сама по себе переговорная логика, если возникает слишком продолжительная пауза, подводит к тому, что потом участники переговоров возвращаются к тем вопросам, которые можно уже считать отработанными - теряется динамика. Мы не хотели бы, чтобы это произошло, и стремимся к продолжению переговорного процесса по всем линиям. Двухуровневый подход - это не российское изобретение. Изначально он был предложен именно иранцами, но затем участники переговоров в составе группы «шести» пришли к выводу, что эта схема работоспособна, она интересна, что подтверждается практикой последнего времени.

[Фитцпатрик, неофициальный перевод с английского языка]³ Спасибо, Антон. Благодарю Вас, г-н министр, за открытость к диалогу. В продолжение вопроса по Ирану, вчера информационное агентство «Интерфакс» процитировало Ваше заявление. Согласно его английскому переводу, Вы сказали, “We see no signs that there is a military dimension to Iran’s nuclear program” («Мы не видим признаков того, что иранская ядерная программа имеет военное измерение»). Вы сказали, что таких признаков не видите. Не закралось ли ошибки в перевод «Интерфакса»? На английском языке слово ‘signs’ означает признаки или указания, а не доказательства. Если бы Вы сказали «нет доказательств», то все с Вами согласились бы. Но что касается признаков, то МАГАТЭ в ноябре 2011 г. опубликовало доклад с приложением, в котором на протяжении 65 пунктов перечисляются признаки возможного военного измерения. Большинство из них относятся к прошлому периоду, но некоторые, похоже, продолжают до сих пор. В этой связи не могли бы Вы уточнить, что

³ Фитцпатрик Марк, Старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, США/ Великобритания.

Вы имели в виду под словом, которое в английском переводе звучало как ‘signs’ (признаки).

[МИЗИН]⁴ Сергей Алексеевич, спасибо за емкое представление нашей позиции по ДНЯО. Однако в части Статьи VI она напоминает мне советскую позицию по вопросам разоружения начала 80-х годов прошлого века. Коротко ее можно сформулировать так – ничего не будет решено, пока не будет решено все. Тогда, как известно, президент Горбачев решил выделить вопрос РСМД, и «процесс пошел». Можно ли сейчас предсказывать какую-то паузу в области контроля над вооружениями в связи, например, с предвыборной компанией в США, или все-таки существует какой-то вопрос, который можно выделить и по нему добиться прогресса? Спасибо.

[РЯБКОВ, неофициальный перевод с английского языка] Перевод «Интерфакса» абсолютно верный. Позвольте мне самого себя перевести на английский. Я сказал, «Мы не видим никаких признаков», точка. «Никаких признаков», точка. “No signs, we see no signs whatsoever”, full stop. “No signs.” Позвольте пояснить нашу позицию. Мы действительно считаем, что в течение длительного периода времени Иран демонстрирует серьезную готовность сотрудничать с МАГАТЭ в том, что касается выполнения Соглашения о гарантиях. После определенного периода, когда иранская сторона применяла более открытый подход в данном вопросе, она вышла из выполнения модифицированного Кода 3.1 и из выполнения Дополнительного протокола, уменьшив таким образом пространство для прозрачности, если можно так выразиться. Но в рамках тех областей, где иранская сторона готова сотрудничать, она сотрудничает с Агентством добросовестно. Мы в этом твердо убеждены, именно такова наша оценка. Само Агентство и лично генеральный директор в серии своих докладов заявили, что весь задекларированный ядерный материал учтен, и что никакого незаконного использования этого задекларированного ядерного материала не происходит. При этом, задекларированная и незадекларированная деятельность, остающиеся вопросы и предполагаемые исследования - все это с нами. Если дальше прочесть текст интервью, опубликованного «Интерфаксом», то сразу после вопроса касательно «отсутствия признаков» военного измерения иранской ядерной программы я отметил, что иранской стороне необходимо делать больше в плане сотрудничества с МАГАТЭ, чтобы снять остающиеся вопросы, чтобы снять любые имеющиеся у международного сообщества сомнения относительно иранской деятельности, чтобы устранить любые возможные поводы для заявлений о том, что нет уверенности в исключительно мирном характере иранской ядерной программы. Так что мы учитываем обе стороны вопроса. Мы считаем, что нельзя просто перечеркнуть то, что сделано иранской стороной в плане сотрудничества с Агентством. Но мы также считаем, что иранцы должны сделать еще больше в этой области. Поэтому перевод «Интерфакса» абсолютно верный.

⁴ Мизин Виктор Игоревич, Заместитель директора, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет), Министерство иностранных дел, Российская Федерация.

[*Говорит по-русски.*] Виктор, по Вашему вопросу хочу сказать, что мы подошли к такому рубежу, когда у нас нет роскоши, нет в кармане такого запаса, которым можно пользоваться достаточно энергично, быстро, бегло, не задумываясь о том, каковы последствия использования этого ресурса в условиях отсутствия изменений ситуации по другим направлениям, влияющим на наше положение в сфере безопасности. Я имею в виду количественный ресурс в сфере вооружений. Это не попытка нагромоздить искусственные препятствия или спрятаться за политологической «трескотней» от тяжелого разговора с партнерами, это наше фактическое заявление. Все вопросы, которые я обозначил в своем выступлении ранее, требуют все более настоятельного решения. Мы не предлагаем в этом документе конкретных решений, так как это предмет обсуждения и переговоров, и определенные обсуждения в этой области мы уже ведем. О решениях говорить пока рано. Но ясно, что повторение опыта прошлого, когда Москва и Вашингтон могли договариваться по каким-то очень серьезным аспектам стратегической стабильности в отрыве от всего другого, на это рассчитывать трудно - и ситуация в мире изменилась, и в военно-политической составляющей наших отношений с США многое поменялось до полной неузнаваемости. Здесь нужны просто обновленные подходы.

[**М. СУЛТАН**, неофициальный перевод с английского языка]⁵ У меня два вопроса. Очень радует, что Россия занимает позитивную позицию по вопросу Договора о нераспространении. Но я бы хотела поинтересоваться Вашими взглядами касательно создания системы противоракетной обороны Индией в регионе Южной Азии. Как Вы оцениваете этот проект? И второй вопрос, как Вы оцениваете последствия заключения индийско-американского соглашения, учитывая тот факт, что оно не содержит каких-то встроенных механизмов верификации выполнения Индией своих обязательств в области нераспространения. Существует только протокол, подписанный Индией и МАГАТЭ, и в результате которого индийская ядерная промышленность получила возможность сотрудничать со всеми остальными членами Агентства в области мирного использования атомной энергии. В этой связи, каким Вам видится будущее сотрудничества с атомной промышленностью стран, которые не подписали ДНЯО, и здесь я имею в виду Пакистан. Что Вы думаете по поводу возможности разработки новых критериев, которые позволят, возможно, переписать или переосмыслить ДНЯО, с гораздо более конкретными идеями в поддержку вовлечения в него таких государств?

[**САГАФИ-АМЕРИ**, неофициальный перевод с английского языка]⁶ У меня вопрос в продолжение предыдущего и касается размеров ядерного арсенала и диалога между Россией и США в области ядерного разоружения. Если затронуть тему противоракетной обороны, которая сейчас вызывает серьезные противоречия в российско-американском диалоге в области ядерных вооружений, к сожалению, США, как обычно, указывают пальцем на Иран в

⁵ Султан Мария, Директор, Южно-азиатский институт стратегической стабильности, Пакистан.

⁶ Сагафи-Амери Нассер, Бывший высокопоставленный дипломат; независимый исследователь, Иран.

оправдание своей работы по созданию такой системы, хотя все мы знаем, зачем эта система на самом деле нужна. Хотел поинтересоваться Вашим мнением относительно происходящих в этой сфере процессов. Также хотел бы спросить Ваше мнение о процессе ядерного разоружения в условиях наличия более 27 тыс. единиц ядерного оружия, которое всех очень сильно беспокоит. Спасибо.

[РЯБКОВ, неофициальный перевод с английского языка] Во-первых, по вопросу о противоракетной обороне в Южной Азии позвольте сказать следующее. Мы обеспокоены общей глобальной тенденцией увеличения доступности и удешевления технологий в областях, которые прямо влияют на ситуацию в сфере стратегической стабильности. Я не хочу сейчас говорить о частных аспектах этого вопроса, о том, чем занимается Индия, предпочел бы сконцентрироваться на фундаментальных проблемах. Одной из них для нашей национальной безопасности является развитие американской глобальной системы противоракетной обороны. Вы можете спросить, почему Россия больше обеспокоена американской системой ПРО, в то время как Индия пытается создать свою собственную систему противоракетной обороны. Американская система вызывает у нас более серьезную обеспокоенность, потому что она более совершенна в техническом плане, потому что она имеет глобальный масштаб, потому что существуют планы по переходу от первой фазы американского фазового адаптивного подхода ко второй, а затем и к третьей и четвертой фазе. При этом технология перехвата будет сочетаться с высокой мобильностью, новыми сенсорами, дополнительными средствами, скорее всего, в космосе. Все это будет означать, что с внедрением всех этих планов США приобретут возможность негативно воздействовать на российский потенциал ядерного сдерживания, которую невозможно будет игнорировать, и которая потребует определенной реакции, ответных мер. По сравнению с этим те планы, которые рассматривает Индия, выглядят совсем по-другому. Поэтому мы посмотрим, как там будут развиваться события.

Что касается критериев Группы ядерных поставщиков, то вы, наверное, понимаете, что мне не стоит говорить в микрофон обо всех подробностях этого процесса. Основной аргумент здесь следующий: у Индии отличная репутация в области нераспространения, и это признается, скажем так, подавляющим большинством стран. Поэтому ГЯП были разработаны критерии для передачи технологий, которые делают возможным беспрепятственное сотрудничество с Индией в данной области. Я считаю, это хорошо, это полезно. Это показывает, что международное сообщество никоим образом не пытается создавать никаких препятствий разумному и полезному сотрудничеству в крайне важной сфере.

Что касается следующих шагов в области ПРО и сокращения стратегических наступательных вооружений, то, во-первых, необходимо отметить, что цифра в 27 тыс. единиц ядерного оружия относится к началу или середине 1980-х годов. По условиям Нового договора СНВ мы обладаем 1550 оперативно-развернутыми ядерными боезарядами, 700 оперативно-развернутыми стратегическими носителями, а общее количество развернутых и неразвернутых

стратегических носителей составляет 800 единиц. Разница между 27 тыс. и 1550 - огромная.

Однако дальнейшие сокращения являются проблематичными, это огромный вопрос, насколько это вообще возможно и что для этого нужно сделать. Я попытался это объяснить в своем вступительном слове. Мы постоянно обсуждаем этот вопрос как с Соединенными Штатами, так и с другими странами, поскольку потенциал других стран в данной области приобретает все большую важность, и его нельзя просто игнорировать. Я призываю представителей стран, обладающих ядерным оружием, серьезно рассмотреть сложившуюся ситуацию и тщательно ее проанализировать в свете обязательств в рамках Статьи VI ДНЯО со стороны государств, которые подписали Договор, и в свете общего курса развития дискуссии в данной области для тех стран, которые Договор не подписали.

[**КИМБЭЛЛ**, неофициальный перевод с английского языка]⁷ Благодарю за Ваши комментарии, г-н министр. Хотел бы попросить Вас подробнее рассказать о переговорном процессе с Ираном в рамках формата “5+1”. Вы сказали - и я с этим согласен - что процесс должен продолжаться. Но все мы, наверное, согласимся с тем, что процесс должен на определенном этапе иметь результаты. Не могли бы Вы прокомментировать вопрос о расхождениях между предложениями группы “5+1” и иранскими предложениями? Сообщается, что между ними сохраняется значительная дистанция. Какие конкретные идеи предлагает Россия в рамках группы “5+1”, чтобы выйти на какие-то шаги по укреплению доверия и найти решение наиболее острых проблем распространения применительно к иранской ситуации?

Кроме того, я бы хотел, при всем моем уважении, внести поправку в Ваши слова касательно Группы ядерных поставщиков. Принятое в прошлом году решение ГЯП об ограничениях на передачу технологий химической переработки ОЯТ и обогащения урана фактически исключает передачу этих технологий таким странам, как Индия, которые не приняли систему полноохватных гарантий. Я исхожу из того, что Россия и остальные ядерные поставщики отразят этот факт в своих соглашениях о ядерном сотрудничестве с Индией. Таким образом, резюмируя - существуют ограничения на определенные виды сотрудничества с Нью-Дели. Спасибо.

[**ТЭН**, неофициальный перевод с английского языка]⁸ Спасибо, г-н министр. Общеизвестно, что американская программа противоракетной обороны является одной из главных проблем в отношениях между Россией и США. Кроме того, США сейчас развивают и укрепляют свой противоракетный потенциал в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В Китае давно обсуждается вопрос о том, могут ли Москва и Пекин сотрудничать, чтобы совместно противодействовать

⁷ Кимбэлл Дэрил, Исполнительный директор, Ассоциация по контролю над вооружениями, США.

⁸ Тэн Цзяньцзюнь, Директор, Центр исследования вопросов контроля над вооружениями и международной безопасности, Китай.

этому проекту. Готова ли Россия выступить с инициативой такого сотрудничества с Китаем? Спасибо.

[РЯБКОВ, неофициальный перевод с английского языка] Спасибо. Спасибо вам обоим. Что касается наших переговоров, т.е. переговоров с Ираном в формате 3+3, то они идут, конечно, тяжело. Но хоть какие-то переговоры - это лучше, чем их отсутствие, это очевидно. Кроме того, мне кажется, что мы вступили в такую фазу наших обсуждений, в ходе которой, как Вы отметили, мы впервые смогли начать обсуждение ключевых элементов данной проблемы. Ни для кого не секрет, что международное сообщество глубоко обеспокоено ведущимся в Иране обогащением до уровня, близкого к 20%. Также общеизвестно, что суть иранской позиции заключается в двух элементах. Пусть присутствующие представители Ирана меня поправят, если я ошибаюсь, но насколько я понимаю позицию Тегерана, она заключается в следующем. Иран хочет официального признания своего права на обогащение урана, и настаивает, что это право является неотъемлемой частью всех тех прав, которые вытекают из ДНЯО. Во-вторых, Иран хочет, чтобы помимо такого признания был выработан механизм, согласно которому все санкции против этой страны будут сняты, и иранское ядерное досье будет возвращено в МАГАТЭ.

Наши позиции довольно сильно расходятся, тут я с вами согласен, и преодолеть эти разногласия очень трудно. Вопрос о том, как выйти на достижение договоренности, на решение, позволяющее заключить соглашение, является главным для любого переговорщика. Россия, будучи добросовестным членом группы 3+3, демонстрирует готовность помочь в поиске решения, мы эту помощь готовы оказать и самой группе, и иранской стороне. Мы поделились определенными идеями относительно того, как, с нашей точки зрения, можно добиться окончательного решения проблемы, как выйти на такое решение. Мы видим решение в механизме, в соответствии с которым все права иранской стороны, в т.ч. право на обогащение, получают официальное признание международного сообщества в обмен – и это ключевой элемент механизма - в обмен на полный и всеобъемлющий международный контроль над иранской ядерной программой. Что это означает на практике? Во-первых, Иран должен вернуться к выполнению положений Дополнительного протокола и модифицированного Кода 3.1, в сочетании с продолжением выполнения соглашения о гарантиях. Это позволит международному сообществу получить достаточно хорошее представление об иранской ядерной программе, чтобы восстановить уверенность в исключительно мирном характере этой программы. Когда будет достигнута такая договоренность, с Ирана будут сняты санкции – как санкции Совета Безопасности ООН, так и односторонние санкции, введенные отдельными государствами и группами государств.

В этой формуле важен каждый элемент. Но ключевые ее элементы - это признание права на обогащение в обмен на международный контроль, после чего снимаются санкции. Последовательность шагов тоже очень важна, и в этом плане существуют расхождения между данным предложением и иранской точкой зрения. Мы также обозначили пути выхода на такое решение, предложив

так называемый «план Лаврова». Он состоит из серии шагов, которые основаны на принципах взаимности и пошагового подхода. Как можно постепенно укрепить доверие? Я не буду сейчас перечислять подробности, они очень сложные и скучные. Скажу лишь, что мы верим в результативность такого подхода, мы за него выступаем, и у нас есть надежда, что отдельные его элементы – хотя и не центральные – уже, как мне кажется, прочно вошли в повестку дня переговоров. Мы будем продолжать над этим работать. Мне кажется, что этот подход может дать желаемые результаты.

Переговоры идут в очень приземленном ключе, в очень профессиональной атмосфере, и все стороны демонстрируют наличие политической воли к продвижению в сторону компромисса. Позвольте также сказать, что, будучи членом группы 3+3, Россия никоим образом не отступает от согласованной позиции группы. Эта позиция несколько отличается от выше озвученной; от имени всей группы пусть выступает Кэтрин Эштон и ее команда. Мы поддерживаем эту позицию, и мы добросовестно исполняем свои функции в качестве члена группы в ходе всех обсуждений, как внутри самой группы, так и в ходе обсуждений с иранской стороной. Как я заявлял в ходе двух последних раундов, состоявшихся в Багдаде и, в июне этого года, в Москве, обе стороны, т.е. группа 3+3 и иранская сторона, формально представили свои позиции, и сейчас очень важно не терять импульса и продолжать эти переговоры, чтобы найти решение по ключевым разногласиям и учесть все основные аргументы сторон.

Что касается второго вопроса, т.е. вопроса о том, что технологии химической переработки не входят в список разрешенных к экспорту в рамках согласованных критериев, то нужно сказать, что решение Группы ядерных поставщиков, как и любое другое решение, стало результатом серьезного компромисса, и это все понимают. Принятое решение очевидным образом повышает шансы на продуктивное сотрудничество с индийской стороной, и мы это приветствуем. Мы, как всегда, будем действовать в полном соответствии с нашими международными обязательствами, к данной области это тоже относится.

К вопросу о возможном российско-китайском сотрудничестве в области противоракетной обороны: вполне очевидно, что растущий американский потенциал в регионе, который мы называем Дальним Востоком, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не остается незамеченным российской стороной. Аналогичным образом мы внимательно отслеживаем события в области сотрудничества США со своими союзниками в Азии. Там происходят довольно важные события, уже довольно многое сделано. Что касается нашей позиции по этим вопросам, то могу сказать, что причины обеспокоенности американскими планами в данном регионе заключаются не только в третьей и четвертой фазе американского фазового адаптивного подхода в плане технологий, характеристик перехватчиков, сенсоров, и т.д. Эти причины также объясняются самой географией и способностью Соединенных Штатов быстро разворачивать свои средства в разных регионах. Речь не обязательно идет о береговом

варианте системы «Иджис», но и корабельных «Иджис»; реализуются очень внушительные программы поставок техники в том, что касается количества платформ и количества перехватчиков.

В Москве в этом году, 3-4 мая, состоялось очень интересная конференция, организованная Министерством обороны. В ходе этого мероприятия наши военные, как мне кажется, предоставили весьма конкретные данные, которые объясняют причины нашей обеспокоенности и показывают, что обеспокоенность эта вполне обоснована. Поэтому, возвращаясь к Вашему конкретному вопросу, наилучшим решением стало бы достижение договоренности с США, которая учитывала бы причины нашего беспокойства, если не устраняла их полностью. Если это окажется невозможным, то мы должны будем прибегнуть к определенным мерам, которые ранее упоминались в заявлении президента РФ Дмитрия Анатольевича Медведева 23 ноября 2011 г. Эти меры призваны снять остроту или устранить причины нашей обеспокоенности по поводу нашей национальной безопасности другими путями. Мне кажется, что тема эта в достаточной степени освещена, и нам нужно работать с американской стороной над достижением каких-то значимых результатов в данной области.

[СОКОВА]⁹: Господин Рябков, спасибо за Ваше выступление и возможность задать вопрос. В своем выступлении Вы упомянули, что Россия, как один из депозитариев ДНЯО, придает огромное значение проведению Конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке в 2012 году. Мой вопрос касается того, каким образом осуществляется взаимодействие между «тройкой» депозитариев и г-ном Лааява, координатором Конференции 2012 г. по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов ОМУ. Вторая часть вопроса касается перспективы участия в Конференции всех стран региона. По состоянию на сегодня, вполне возможно, что Израиль и Иран не примут в ней участия. Если это произойдет, как Вы оцениваете перспективы проведения Конференции в этом году, и каким Вы видите значение ее результатов в этом случае?

[А. СУЛТАН, неофициальный перевод с английского языка]¹⁰ Во-первых, позвольте мне сказать, что Пакистан высоко оценивает усилия России в качестве одного из лидеров в вопросах нераспространения, а также российские инициативы в данной области. Мой первый вопрос имеет несколько академический характер. Он касается роли Договора о нераспространении в современных условиях. ДНЯО является очень важным инструментом, но мне кажется, что если нам не удастся сделать его универсальным, добившись его подписания теми ядерными государствами, которые до сих пор не стали членами Договора - я имею в виду Индию и Пакистан - то цели глобального

⁹ Сокова Елена Константиновна, Исполнительный директор, Венский Центр по разоружению и нераспространению, Российская Федерация/ Австрия.

¹⁰ Султан Адил, Заместитель директора, Департамент по разоружению и контролю над вооружениями, Управление стратегического планирования, Генеральный штаб Вооруженных Сил, Пакистан.

ядерного разоружения добиться будет невозможно. Считаете ли Вы, что существуют возможности для интеграции этих двух стран в режим нераспространения? Мы все отлично понимаем, что без каких-то встречных уступок такого результата мы не добьемся. Но должен быть какой-то способ интегрировать эти две страны в режим нераспространения.

Второй вопрос касается Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов. Вы упомянули в этой связи процесс в формате “5+2”. Насколько я знаю, его целью является исключительно обсуждение возможностей и способов для выхода из тупика на Конференции по разоружению. Это не является параллельным процессом переговоров по ДЗПРМ. Я так понимаю, в рамках этого клуба обсуждаются все четыре ключевых проблемы, которые сегодня существуют в рамках КР. Но это не будет какой-то параллельной инициативой по обсуждению ДЗПРМ или по ведению переговоров о заключении этого договора. Не могли бы Вы прояснить Ваше видение значения формата “5+2”, потому что некоторые могут неправильно понять Ваше заявление и подумать, что речь идет о параллельном процессе. Мы все понимаем, в т.ч. Россия, США и Пакистан, мы все сходимся во мнении о том, что КР является единственной площадкой для переговоров по ДЗПРМ, что никакой другой площадки быть не может.

Наконец, я бы хотел вернуться к вопросу о Группе ядерных поставщиков. Я не хотел бы ни на кого указывать пальцем, но Вы в своем комментарии сказали, что одна из стран Южной Азии имеет отличную репутацию в области нераспространения. Давайте вспомним, что сама Группа ядерных поставщиков была создана именно потому, что упомянутая страна использовала ядерные технологии, заявленные как гражданские, для создания ядерного оружия. Теперь ГЯП сделала исключение для этой страны. Мне кажется, что избирательные стандарты в области нераспространения никому не пойдут на пользу в нынешних условиях. Спасибо.

[РЯБКОВ]: Хотел бы отреагировать на то, что сказала Елена. Вы знаете, координация заместителей министров иностранных дел с послом Лааявой и всех депозитариев, используя язык документа последней Обзорной конференции по ДНЯО, со-организаторов - очень тесная. Способы общения в современном мире многочисленны и не сводятся только к личным встречам. Встречи проводятся и будут проводиться, но координация осуществляется также в форме обмена оценками, соображениями о происходящем и о пути движения вперед. И мы очень удовлетворены тем, как это происходит. Что касается самого вопроса об организации Конференции, это вопрос очень сложный, учитывая те пертурбации, которые предшествовали принятию решения в пользу такой Конференции. И учитывая сложность ситуации на Ближнем Востоке, применительно к этой проблеме, я хотел бы отметить, что от стран региона зависит то, как пройдет эта Конференция. Мы, как депозитарии, как со-организаторы, должны сделать все, чтобы предоставить странам региона возможность принять участие в согласованные сроки, т.е. в 2012 году. Нет никакой гарантии, что ситуация на Ближнем Востоке в следующем году станет

проще, нет никакой гарантии, что изменятся умонастроения в некоторых столицах в отношении целесообразности продвижения в этом направлении. Но долгом со-организаторов и координатора Конференции является обеспечение всех условий, чтобы данное мероприятие прошло. Мы продолжаем работу, чтобы показать правительствам соответствующих стран целесообразность более благоприятного отношения к данной идее. По большому счету, мы глубоко убеждены: от создания зоны, свободной от ОМУ, все страны региона только выиграют.

[Неофициальный перевод с английского языка] Об универсальности ДНЯО и его адекватности современной ситуации. Это бесконечный процесс, в каком-то смысле. Мы лишь можем подтвердить нашу существующую позицию. Она заключается в том, что, по нашему мнению, присоединение Индии и Пакистана к ДНЯО в качестве неядерных государств было бы наилучшим вариантом и наилучшим решением многих существующих проблем. Я не буду вдаваться в подробности этих проблем, но мы считаем, что ДНЯО остается важным инструментом. Тут легче сказать, чем сделать.

Что касается вопроса о переговорах по ДЗПРМ, то я могу подтвердить то, что Вы сказали – формат “5+2” является абсолютно неформальным, это просто зондирование почвы в том, что касается проекта рабочей программы Конференции по разоружению. Мы в этом формате не ведем никаких переговоров о заключении договоров по любым вопросам, и мы этого никогда не будем делать, потому что это невозможно. Поэтому вопрос заключается в наличии политической воли со стороны любой страны, представленной в этом формате. То же самое касается ДНЯО и его будущего.

Мы считаем, что система нераспространения должна развиваться в направлении универсализации Дополнительного протокола. Мы считаем, что у этой дискуссии есть несколько аспектов, есть много вопросов, которые касаются конкретных элементов ДНЯО, есть проблема Статьи X, и так далее. Мы знаем, какие существуют мнения, какие есть настроения, мы знаем причины, по которым все это подвергается критике. Но лучшего варианта пока никто не предложил. Общий положительный эффект, который в течение многих десятилетий оказывает существование ДНЯО на поддержание международного мира и безопасности, является огромным. Его нельзя недооценивать. И мы готовы, мы полны твердой решимости защищать и укреплять этот Договор.

[ВИЛЬДАНОВ]¹¹: Каковы основные выводы из анализа контрольно-инспекционной деятельности работы российских инспекторов на объектах СНВ США? Как известно, проведено 18 инспекций. Видимо, Вы скажете, что особых замечаний нет, есть только мелкие нарушения. Реально это не так. Во-первых, американцы уничтожают только первую ступень, поскольку они заявили в Договоре, что сокращение межконтинентальных ракет ведется путем

¹¹ Вильданов Мидыхат Петрович, Старший научный сотрудник, Военная академия Генерального штаба (ВАГШ) Вооруженных Сил, Российская Федерация.

уничтожения первой ступени. Второе, грубо нарушается Статья XIII Нового Договора СНВ в части, касающейся сотрудничества США и Великобритании. Всплывает незаявленное сотрудничество американской стороны с Великобританией, о котором стало известно совсем недавно, об участии американской корпорации *General Dynamics* в разработке ракетного отсека перспективной подводной лодки по программе *Successor*. Почему российская сторона молчит, наблюдая, что американская сторона нарушает Договор РСМД, проводя испытания системы ПРО, и, в качестве мишени, изготавливает ракеты средней дальности, этап малой дальности уже прошел? Данное нарушение налицо, об этом говорил генеральный конструктор Ю.С. Соломонов.

[ДЖЕНКИНС, неофициальный перевод с английского языка]¹² Считаете ли Вы, что в долгосрочной перспективе стратегическая стабильность между Россией и США может основываться на замене обеими сторонами своих стратегических ядерных сил на стратегические неядерные вооружения?

[РЯБКОВ] Сначала отвечу на вопросы генерала Вильданова. Мы очень внимательно отслеживаем все те аспекты ситуации, о которых Вы сказали и о которых Вы пишете в своих статьях, в т.ч. в статьях, регулярно появляющихся в «Независимом военном обозрении», в приложении к «Независимой газете». Что касается проблем с соблюдением РСМД в связи с использованием баллистических ракет-мишеней, то это тема не новая. Она постоянно присутствовала в нашем диалоге с США, и этот диалог не прерван, хотя сейчас он имеет несколько другие формы, чем ранее. По итогам инспекционной работы, о которой Вы упомянули, было проведено 18 инспекций за первый год действия нового Договора СНВ. Я могу подтвердить то, что Вы сказали - в целом оценка выполнения Договора положительная, есть замечания, но они не предназначены для публичного обсуждения, они предназначены для отработки в формате двусторонней консультативной комиссии, созданной в соответствии с этим Договором. Ближайшая сессия этой комиссии состоится в конце сентября в Женеве. Мы имеем свой перечень вопросов для постановки перед американской стороной; они, я подозреваю, тоже изложат нам то, что считают необходимым с учетом опыта обмена инспекциями. Здесь нет ничего, что не поддавалось бы обсуждению, и нет таких озабоченностей в этой сфере, которые нельзя было бы преодолеть путем нормальной, систематической, сосредоточенной и ответственной работы делегаций. Я хотел бы отметить, что эти делегации на заседаниях комиссии – межведомственные, и представители Министерства обороны Российской Федерации и военного ведомства США принимают самое активное участие в процессе. Мы не пренебрегаем никакими аспектами ситуации в сфере сокращения военных вооружений, и, уверяю Вас, с большой серьезностью подходим к вопросам, которые не решены или решены не до конца. Решение нужно искать за столом переговоров, а не с конференционного подиума.

¹² Дженкинс Питер, Научный сотрудник, Женевский Центр политики безопасности; Постоянный представитель Великобритании при МАГАТЭ (2001-2006), Великобритания/Швейцария.

[*Неофициальный перевод с английского языка*] Что касается вопроса уважаемого Питера Дженкинса, то я бы сказал, что он из теоретической области. Наши американские коллеги уже высказывали некоторые идеи, которые, на их взгляд, могут позволить нам отойти от логики взаимного гарантированного уничтожения. Однако мы считаем, что в современном мире стратегическая стабильность далеко не сводится к обладанию определенным количеством боеголовок и средств доставки. У нас есть более широкий спектр и средств, и факторов, которые нужно учитывать, если мы стремимся к укреплению нашей безопасности и безопасности тех, кто принимает участие в этих усилиях. Я считаю, что в отрыве рассматривать вопрос стратегических наступательных вооружений или оружия стратегической дальности с неядерными боеголовками было бы очень неправильным. Такой подход не учитывает важности и роли всех остальных аспектов этой очень сложной проблемы. Кроме того, я не уверен, что сейчас можно предвидеть те возможности и тот потенциал, который приобретут в будущем даже одни лишь Соединенные Штаты, поскольку существуют различные пути развития этого потенциала, разные направления, которые зависят от научного сообщества, политического сообщества, бюджетных соображений, возможностей промышленности, и т.д. Так что было бы несколько преждевременно обсуждать эти вопросы даже в более широком контексте, поскольку мы сейчас просто не знаем, о каких аспектах нам, возможно, придется говорить. Но сам по себе этот вопрос интересный.

[*ХИББС, неофициальный перевод с английского языка*]¹³ По словам нашего коллеги Хоссейна Мусавиана, «план Лаврова», о котором Вы говорили, включает в себя «приостановку» Ираном своей деятельности по обогащению урана на три месяца. Как известно, пока что Иран отказывается пойти на такой шаг. Более того, иранская сторона утверждает, что резолюции Совета Безопасности ООН, требующие приостановить обогащение, незаконны. Рассматривается ли в ходе переговоров с Ираном, в рамках формата «3+3», варианты выхода из этого тупика, которые не предусматривают необходимости временного прекращения Ираном процесса обогащения? Или же группа «3+3» настаивает на том, что требование приостановить обогащение законно, и что Иран должен на какое-то время пойти на это? Спасибо.

[*СТАУТЛЭНД, неофициальный перевод с английского языка*]¹⁴ Вы упомянули множество сложных проблем, в т.ч. иранскую проблему и вопрос американской системы ПРО. Но позвольте Вам задать другой вопрос. Учитывая, что мы все признаем наличие общих целей в деле нераспространения и предотвращения ядерного терроризма, в каких областях, на Ваш взгляд, у нас есть возможность добиться прогресса в ближайшей перспективе? Где такие возможности существуют?

¹³ Хиббс Марк, Старший научный сотрудник, Фонд Карнеги за международный мир, Германия/США.

¹⁴ Стаутлэнд Пейдж, Вице-президент, Инициатива по сокращению ядерной угрозы, США.

[МЯСНИКОВ]¹⁵: Сергей Алексеевич, Вы упомянули в своем выступлении о недопустимости создания СНВ в неядерном оснащении. Какие типы вооружений российская сторона относит к этой категории помимо МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, и помимо тех систем, которые разрабатываются сейчас в США в рамках программы *Prompt Global Strike*? Относит ли российская сторона к этой категории тяжелые бомбардировщики типа *B1-B*, которые более не являются предметом договора СНВ, а также крылатые ракеты морского базирования большой дальности? Как известно, Россия долгое время считала ядерные КРМБ большой дальности стратегическим оружием. Относится ли к СНВ КРМБ большой дальности в обычном оснащении?

[РЯБКОВ, неофициальный перевод с английского языка] Что касается переговоров с Ираном: да, иранская сторона действительно считает, что резолюции Совета Безопасности ООН незаконны. Мы, конечно, придерживаемся совсем другой точки зрения. Поэтому мы не можем просто пересмотреть ключевые элементы требований к Ирану, которые выдвигаются международным сообществом в этих резолюциях. Одним из этих требований является именно приостановка обогащения. Поэтому мы стараемся работать в рамках этих резолюций, которые были разработаны и приняты с активным участием России. В то же время мы стараемся понять, что является в данной области реально достижимым, и продвигаемся, так сказать, от менее сложных к более сложным элементам в наших предложениях. Да, российский план предполагает некоторый временной промежуток перед началом выполнения встречных мер, которые могут или должны быть предприняты международным сообществом в ответ на действия Ирана. Сама идея, сама концепция основана на том, что после того, как Иран предпримет какие-то шаги, МАГАТЭ должно проверить, действительно ли эти шаги выполнены, и только затем последуют ответные действия. В этом нет ничего нового. На более ранних этапах диалога, когда он шел под руководством Высокого представителя ЕС Хавьера Соланы, была впервые использована концепция «заявление в обмен на заявление», «действие в обмен на действие», «замораживание в обмен на замораживание». В чем-то эта концепция похожа на предлагаемый ныне подход. На наш взгляд, очень важно, чтобы меры, предпринимаемые в ответ на какие-то действия, были серьезными, чтобы они выглядели привлекательными, иначе у иранской стороны не будет вообще никаких причин, чтобы переходить в режим укрепления доверия. Я считаю, что мы будем придерживаться этого подхода в наших дискуссиях со всеми участвующими сторонами. Единственная проблема заключается в том, что нам нужно более активно работать, чтобы не потерять импульс этих переговоров.

Теперь к вопросу об имеющихся возможностях и вызовах в области нераспространения. Одна очевидная возможность заключается в том, чтобы сделать те инструменты в области контроля над вооружениями и нераспространения, которые уже существуют, действительно всеобщими. Это

¹⁵ Мясников Евгений Владимирович, Директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Российская Федерация.

огромная задача. Это наша незавершенная работа. Одним из актуальных примеров является Конвенция о запрещении химического оружия. Здесь нам нужно более активно работать, и мне кажется, не следует преувеличивать те трудности, которые связаны с задачей превращения Конвенции о запрещении химического оружия в действительно глобальный инструмент. Во-вторых, мы считаем, что нужно, наконец, что-то предпринять для обеспечения вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Восемь оставшихся стран из так называемого Списка 44 должны очень серьезно поработать над данным вопросом. Это один из недостающих кирпичиков в здании международного контроля над вооружениями и разоружения, которое в остальном выглядит весьма внушительно. Я думаю, что пока не вступит в силу ДВЗЯИ, нельзя говорить о серьезном продвижении к полному выполнению наших обязательств в соответствии со Статьей VI ДНЯО. Существуют также огромные возможности в области укрепления системы гарантий МАГАТЭ. Мы над этим вопросом работаем не без определенных трудностей, но это как раз одна из существующих возможностей. Там, где у нас есть что обсудить, мы должны использовать эту возможность и постараться найти общую почву. Есть также несколько задач, касающихся оживления Конференции по разоружению. Мы не должны позволить этому в высшей степени полезному форуму отойти в прошлое – этого не должно случиться. Использование этого очень полезного форума для обсуждения новых важных согласованных многосторонних шагов в области контроля над вооружениями – разве это не является одной из открывающихся перед нами возможностей? Я могу еще долго продолжать, но уже упомянутые примеры дают представление о тех областях, на которых наша страна сконцентрирует свои усилия.

[*Говорит по-русски*] По вопросу Евгения: стороны, когда заключали двусторонние соглашения, на разных этапах приходили к разным выводам относительно охвата и параметров будущих договоров. Причины включения или невключения тех или иных конкретных видов вооружений в соответствующий договор на разных исторических этапах были разные, как разными были и правила засчета боеголовок на носителях. Сделано это было отнюдь не для удобства работы переговорщиков. Военные специалисты указывали те виды вооружений, вопросы относительно которых следовало разбирать в первоочередном порядке.

Любой договор – результат сложения разнонаправленных векторов. Те, кто этим занимается, а главное те, кто потом одобряет на политическом уровне результаты работы переговорщиков, всегда имеют полную картину и всегда взвешивают “за” и “против” тех или иных решений, которые принимались по ходу переговоров. Вы задаете вопрос, на который ответить так, чтобы это Вас удовлетворило, невозможно. Невозможно по той причине, что, во-первых, Вы ведете речь о некоем будущем процессе, который даже не начинался. И я пытался в своем выступлении дать понять, что для начала этого процесса нам нужно пройти целый ряд стадий, которые еще не пройдены. Во-вторых, мы, с одной стороны, имеем оценку тех систем, которые существуют, развиваются и меняются по своему предназначению уже на протяжении нескольких

десятилетий, а с другой стороны, систем, которые только-только где-то появляются в макетах, образцах, в разработках, которые только разгоняются до каких-то скоростей, но потом останавливаются, куда-то падают, не там садятся. Все это очень трудно. Поэтому я не готов ответить Вам на этот вопрос. Но что я хотел бы сказать, новые вооружения, способные поражать на стратегической дальности, не могут быть проигнорированы.

[ХЛОПКОВ] К сожалению, на этом мы вынуждены завершить эту сессию, поскольку уже исчерпали отведенное нам время. Приношу извинения тем коллегам, которые не успели задать свой вопрос. Уважаемый Сергей Алексеевич, благодарю Вас за этот откровенный разговор.

[РЯБКОВ] Хотел бы поблагодарить всех за очень интересный и полезный разговор. Для себя я из него многое почерпнул. Желаю участникам Конференции продолжения плодотворной и полезной дискуссии и подтверждаю, что, по мере возможности, Министерство иностранных дел Российской Федерации открыто и готово к участию в подобных обменах мнениями в будущем.